723
М20

ВИТАЛИЙ МАЛЫШЕВ

ПОСТУПЬЮ

525510

КОМАНДОРА

И ПРОРОКА

КАРАГАНДА
1994

ВИТАЛИЙ МАЛЫШЕВ

ПОСТУПЬЮ КОМАНДОРА И ПРОРОКА

КАРАГАНДА
1994

Министерство печати и массовой информации Республики Казахстан.
В. Малышев. Поступью командора и пророка. Мемуары.

ISBN 5-7667-3138-8.

© В. Малышев.

525510

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. [illegible]НОВА

"Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор"...
А. Блок. Шаги Командора
"Нежной поступью надвьюжной..."
А. Блок. Двенадцать

"ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ..."

В старом двухэтажном каменном здании какого-то бывшего общежития, первом пристанище Химико-металлургического института республиканской академии наук, пол и лестницы были деревянными. Добротные деревянные же перила, толстые доски ступенек, многократно перекрашенные, вызывали странное ощущение основательности и допотопности. Зимой 1960 года, спустя полгода после начала моей работы здесь, я впервые услышал, как они заскрипели. Легкая тревога вынесла меня из комнаты первого этажа, рядом с лестницей, и я увидел нового директора - прямого, высокого, плотного - медленным, твердым шагом возносящего себя на каждую ступеньку, с устремленным прямо перед собой несколько отрешенным взглядом. Его рука только касалась перил, придавая всему движению упругий ритм и завершая впечатление, сходное с тем тревожным восторгом, какое создает зрелище подъема ввысь тяжелого летательного аппарата. Это были шаги Командора, и от них заскрипел весь наш действительно допотопный институтский уклад с бестолковым тыканием во все местные проблемы, пустословием и безхозяйственностью. Старые ступени не годились, а новые нужно было возводить нам самим - это было ясно по той целеустремленности, которая исходила из каждого движения нашего нового лидера и всегда оставалась самой характерной его чертой.

Спустя десять лет он скажет: "Я не ученый, а строитель. Вот посмотри: в политехническом, в Алма-Ате, только раскрутил строительство нового корпуса - направили сюда. Сейчас заканчиваем новое здание ХМИ - а уже приглашают в университет. Наверняка там придется тоже заниматься стройкой. А на это дело, если не потратишь по полдня ежедневно, то ничего не получится. Что же остается для науки?" Он даже не улыбнулся. "Плохо, что все у нас строители". При всем том Евней Арстанович действительно

любил строить и делал это, конечно, целеустремленно, входя во все детали, знал всех прорабов и рабочих, беседовал с ними о будущем своего детища. "Вот, - говорил он, - ваши дети выучатся на химиков и придут к нам наукой заниматься. Вы же, небось, домой приходите и чертыхаетесь на свою работу, а дети - они умные, все понимают, и на стройку не пойдут. Так что для своих детей дворец строите". Каждого гостя института он непременно возил на стройку, обходил вместе с ним все закоулки, поясняя: "Здесь будет библиотека, тут - лаборатории (вот, черти, канализационную трубу замуровали - как ее заменять потом?)".

В таких обходах приходилось участвовать и мне. Особенно запомнился первый, когда уже поставили колонны, закончили подвалы и закрыли их полом первого этажа. Мы спускались по шаткому лестничному маршу без перил в сырой полутьме, и Евней Арстанович, уверенно лавируя между торчащими арматурными прутьями, предупредительно говорил мне, тогда еще стройному и ловкому молодому человеку, который тем не менее едва успевал повторять за ним различные фигуры неустойчивого равновесия: "Осторожнее, осторожнее. Сейчас доберемся. Вот. Вот..." Он улыбнулся своей легкой, какой-то удивительно общительной улыбкой, которая всегда появлялась перед началом совершенно откровенного разговора. "Здесь, - он поднял руку вверх, под потолок, - мы будем обмывать твою докторскую диссертацию". Оказалось, мы были под будущей столовой. Почему-то мне захотелось, чтобы эти слова стали вещими. Конечно, все это совершенные пустяки - торжественные банкеты, всякие там отмечания, да и какая разница - где именно проводить такие мероприятия. Но мне вдруг подумалось, что все, что говорит этот человек, должно сбываться: он так ясно видел перед собой всю сложную перспективу жизни, что оставалось только уточнить срок превращения его фантазии вот в эти сырые стены, потолки, этажи, спешащих по ним сотрудников в халатах, их бесконечные споры, радости, огорчения, короткие триумфы и долгие, долгие поиски ускользающих откровений.

Банкет все-таки был, но не здесь, а в кафе, потому что в стенах института проводить его не разрешили. Мы сейчас коснемся крайне деликатного вопроса о трезвости и трезвенности, застольях и алкоголизме. Обходить подобные вопросы нельзя потому, что от такого обхождения они становятся немного острее, и еще потому, что томадой на банкете был Евней Арстанович.

КОЕ-ЧТО ИЗ ЛАССАЛЯ

Трудилась у нас, теперь кажется, с незапамятных времен, интереснейшая личность - Алексей Николаевич Полукаров. Закончил с отличием техникум и Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова по кафедре академика АН КазССР В. И. Смирнова и там же защитил кандидатскую диссертацию. Благоговейно упоминаю имя Василия Ивановича - моего учителя в УПИ, по чьему совету я и прибыл сразу после окончания института в ХМИ. Судьбе было угодно одарить меня длительным вниманием трех академиков, и я попадал по ее воле из одних хороших рук в другие. Пришлось же им со мной повозиться. В подтверждение приведу несколько штрихов к портрету Василия Ивановича. Раз зашел он к нам в дипломантскую комнату, обошел кульманы, наметанным глазом окинул чертежи и спросил, обращаясь ко всем: "А вы были вчера на "Лебедином озере"?" Надо же так случиться, но именно в тот день я случайно, ради знакомой девушки, попал на этот спектакль. "Были" - отвечаю. "Как вам понравилась балерина?" - он назвал фамилию известной свердловской танцовщицы. - "Очень хорошая" - "Разве? А мне она показалась полноватой". - "Ну, что вы!" - дерзко возразил я - "Она вполне нормальная!". Василий Иванович кольнул меня насмешливым взглядом и вышел - легко, элегантно, несмотря на некоторую полноту и сутулость. Не знаю почему, но этот взгляд колет меня до сих пор. Другой раз случилось мне присутствовать при разговоре доцентов кафедры с В. И. Смирновым о переработке кобальтовых руд. Беседа шла в лабораторной комнате, где я тогда занимался одним частным вопросом по этой теме для своей дипломной работы. Прислушавшись к обмену мнениями, я почувствовал, что нашел решение проблемы, и сказал, что нужно делать так-то, поехать на завод и предложить им эту схему. Господи! Я никогда не видел более удивленного лица академика. Приговор последовал незамедлительно: "Ну вот вы там и блесните!". Зря все-таки хотя бы иногда земля не проваливается под ногами от стыда. На защите диплома я чудовищно волновался, хотя был абсолютно уверен в успехе - так оно и получилось. До сих пор мне стыдно перед блистательным лектором, каким был Василий Иванович, прошедший стажировку в США по нашей специальности и знавший назубок состав всех месторождений мира и полные технологические схемы их переработки. До чего же хотелось сразу быть таким и блистать при каждой подходящей возможности. Но и в этом случае приговор, переданный мне, как я полагаю, очень деликатным сотрудни-

ком кафедры, был тяжелым: "В целом неплохо, но что-то уж долго мямлил". Я не уверен, что и сейчас эти уроки эстетики, этики и мастерства пошли мне впрок, и можно только посочувствовать моему первому учителю по поводу одного из его учеников. Но то, что пришлось претерпеть ему, а затем Евнею Арстановичу с Алексеем Николаевичем Полукаровым, все-таки на порядок выше - эту пальму первенства я отдаю своему коллеге без сожаления.

В его судьбе была трещина. Родители Полукарова были раскулачены, и это оставило неизгладимый след в душе безусловно одаренного мальчика, ставшего потом хорошим студентом, аспирантом и ученым. А как он знает Фета, Тютчева, Некрасова! Не потому ли, что они способны утешать, понимать страдание и взывать к справедливости? Последнее не столь уж и субъективно в свете новейшего отношения к личному труду, подсобному хозяйству, семейному подряду. В наших, теперь уже бывших братских странах как-то обошлось без раскулачивания, и там продовольствием обеспечивают не хуже нашего, а то и лучше. В Китае даже членам коммунистической партии позволяют содержать наемных работников - в целях ускорения развития сельского хозяйства, избавления от голода. Очень непростые мысли туманили светлую голову Алексея Николаевича. И каждый раз они попадали в логический тупик. Слаб человек вообще и наш Алексей Николаевич - в частности. Покатился вниз так, что очутился на фабрике детских пластмассовых игрушек в Одессе, где ему пришлось скрывать от отдела кадров диплом кандидата наук, заработанный на кафедре Василия Ивановича только благодаря его сверхтерпению. Вот оттуда, из теплого южного города, не раз переночевавши на улице в обнимку с урной, и появился у нас в ХМИ ктн Полукаров.

Евней Арстанович знал Алексея Николаевича еще по Верхней Пышме - городку на Урале, куда он возил студентов Алматинского горно-металлургического института на практику и где Полукаров работал в центральной заводской лаборатории. Видок у Алексея Николаевича при появлении в институте был недвусмысленным, и Евней Арстанович резко, а точнее сказать - грубо пресек витиеватые объяснения соискателя научной должности, обрисовав ему действительное позорное положение его дел, и быстро привел визитера в подобающее чувство. Было поставлено жесткое условие: или-или. Полукарова приняли на работу. Он сразу же адаптировался и вскоре начал выдавать научную продукцию - изобретения, статьи и т. д.

Но вот понадобилось поехать с этими разработками в головной институт, в Свердловск. Одного посылать? Сорвется, и тогда пропала работа и человек. Эту историю Евней Арстанович рассказывал нам не раз и каждый раз смеялся до слез, что, впрочем, при его феноменальной смешливости было делом обыкновенным. Очевидно, ему виделись во всем такие юмористические коллизии, о которых нам не приходилось даже подозревать.

В Свердловске с делами обернулись без проволочек и даже выкроился один свободный денек. И тут Полукаров затрепетал. "Евней Арстанович, разрешите к друзьям съездить в Пышму. Утром уеду, вечером вернусь, только зайду к ним на работу, поговорю, и ни-ни, ей-богу!". Доверять, так доверять. "Ладно - разрешил Евней Арстанович, - но чтобы к вечеру был здесь, как штык, послезавтра уезжаем, ты меня знаешь, а то останешься здесь насовсем". К вечеру Полукарова не было.

Ночью Евней Арстанович проснулся оттого, что на лицо ему что-то капало. "Что!? Что такое!? Кто это?!". Прямо над ним стоял Алексей Николаевич и горько плакал, объясняя свою кручину заплетающимся языком: "Евней Арстанович, еще Лассаль говорил, что социализм не устраняет бедность, а только равномерно распределяет ее среди всех членов общества!". Ответом был гомерический хохот - тоже до слез. Только сейчас можно догадаться иб истинных мотивах подобной реакции. Пресловутая ныне уравниловка в конце шестидесятых годов еще только-только начинала разъедать наше общество. Всю ее нелепость Евней Арстанович видел уже тогда - это несомненно. Как-то, уже будучи академиком, он весело рассказывал мне, как один его дальний родственник, торговый работник, все стеснялся пригласить его в гости. "Я думал, это потому, что я академик, но потом выяснилось, что он стыдился показать свою квартиру, забитую импортными гарнитурами. У меня он в гостях был и, наверное, сделал выводы не в пользу моего ответного визита". Что касается Алексея Николаевича, по натуре очень чувствительного, простого и в то же время глубокого, то Евней Арстанович воспринимал его как чистый звук некоего общественного камертона, любил его рассказы о жизненных передрягах и многое прощал. Да, хороший человек Алексей Николаевич... Пока не ушел на пенсию, всегда работал с юношеским задором, оставаясь одним из наиболее продуктивных изобретателей и ученых. Тогда ему, конечно, попало, и впоследствии не раз приходилось вылетать из кабинета Евнея Арстановича, как пробке из шампанского.

Позднее его "слабость" сошла почти на-нет и переключилась на бильярд, к которому его пристрастил все тот же Евней Арстанович. Вообще, где бы и кем бы он был, наш Алексей Николаевич, которого полушутя, но в то же время с уважением величают на казахский манер Алке, если бы не его терпеливый наставник?

Но ближе к банкету, как мог бы сказать О. Бендер. Для начала зададимся риторическим вопросом: кому нужны диссертации? Несмотря на крайнюю запутанность этого вопроса, существует однозначный ответ: они нужны родителям соискателя.

Мои родители - бухгалтеры. Мама - из крестьянской семьи, отец - из среды духовенства. Образование - начальное, дополненное ускоренными курсами. Оба коммунисты. Во время войны отец - на фронте, мама - в тылу, с нами, двумя дошколятами. Сестра моя - тоже бухгалтер, живет все время с родителями в Кустанае, подарив им на радость внуков и правнуков. Я же после школы навсегда уехал из Кустаная, который воспринимаю как свою родину, хотя по паспорту я из Ташкента. Наверное, поэтому и родители, и сестра все время относятся ко мне с жалостью, как к родственнику, обретающемуся где-то на чужбине, без ласки и ежедневной семейной взаимопомощи. Сейчас мамы нет. Но я счастлив, что успел попрощаться с ней один-на-один в самый последний час (так уж получилось), не выпуская ее рук из своих рук до того вздоха облегчения, которым завершилась ее жизнь, полная трудов, забот и тревог. Никогда бы не простил себе опоздания. И еще я счастлив тем, что видел счастливыми своих родителей на том самом банкете, где томадой был Евней Арстанович.

Я подозреваю, что он - уже сильно больной, перенесший не один инфаркт - сразу же согласился командовать довольно большим застольем по моей робкой просьбе - да и не просьбе даже, а просто по ходу разговора на эту тему - только потому, что я сказал о приезде родителей и сестры с мужем.

Евней Арстанович был непревзойденным управителем разноликой компании - простым, веселым, тактичным. Он искренне радовался нашему неформальному празднеству, в его руке бокал с минеральной водой так и сверкал, как с настоящим шампанским, и когда он предоставлял кому-нибудь слово, то делал все возможное, чтобы снять волнение оратора перед весьма искушенной аудиторией. Вот поднялась для тоста моя сестра. Волнуется. Вспоминает школьные годы. Говорит,

что хотя она училась в более старших классах, все равно за объяснениями обращалась ко мне, и самые трудные задачи вместо нее решал я. Она смутилась этому признанию и немного замешкалась. Евней Арстанович быстро поднялся и говорит: "Извините, Клавдия Павловна, что перебиваю вас, но я хотел сказать, что я тоже (тут он по-простецки махнул рукой) трудные задачи оставляю решать ему самому". Дружный смех вернул утраченную на миг непринужденность, и застолье продолжалось, как мне кажется, к общему удовольствию приглашенных.

Обязан оговориться: и сестра и Евней Арстанович в описанном эпизоде, конечно, намеренно выставляли меня вундеркиндом и оракулом. К этому обязывает жанр банкета. Честное слово, не помню, решал или не решал какие-то задачи для Клавы, а что касается Евнея Арстановича, то у нас в отношениях господствовало полное доверие в использовании моего рабочего времени, и мне никогда не давалось никаких заданий и не ставилось никаких задач. Мы обсуждали то, что появлялось интересного по ходу работы, и мой учитель так искренне радовался малейшим моим успехам в том или ином деле, что мне оставалось только прилежно трудиться, чтобы получать как лучшую награду такое вот непосредственное признание.

Но должен сказать с не меньшей откровенностью, что за похвалы на банкете я буду по гроб признателен тем, кто их высказывал, из-за неожиданной реакции на них моих родителей. Сидя рядышком между мной и Евнеем Арстановичем, они тихо плакали.

Да, Лассаль, конечно, прав. Уравниловка не устраняет бедности. Но те, кто впроголодь перебивался в тридцатые и сороковые годы, могут все-таки проливать не только горькие, но и светлые - счастливые слезы о своей не зря прожитой жизни. Это как никто другой понимал мой учитель, и я не раз видел и слышал, как он убедительно объяснял родителям наших ученых, что они должны гордиться научными трудами своих детей. Он говорил: "Вот, видите - это статья вашего сына. Она отпечатана в хорошем московском журнале. Пройдет сто, двести лет, нас уже не будет, но те, кто продолжит занятия в этой области науки, обязательно должны использовать все, что сделано до него. Он прочитает эту статью и будет ссылаться на имя вашего сына, и ваша фамилия навеки останется в памяти потомков". Бессмертие науки и преемственность научного поиска - как не хватает этого понимания

тем, кто сейчас, да и во все времена, определяет бюджет самых неприхотливых и самых нужных для выживания человечества людей!

ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ - ДИРЕКТОР

Однако, как ни привлекательна и неисчерпаема тема банкета, а вместе с ней и проблема трезвости и трезвенности, лучше от нее отступить без детальной проработки, тем более, что жизнь ученого-организатора, кем и был в первую очередь Евней Арстанович, полна куда более острых проблем. Одной из них было, есть и будет внедрение в практику.

В шестидесятые годы для академической науки практическая отдача еще не требовалась столь жестко, как это стало теперь. Но крестьянская натура директора нашего института требовала возврата в землю того, что земля дала в виде того или иного урожая. Произросшие в стенах академии идеи должны были вернуться в те источники, которые кормили науку - на наши огнедышащие металлургические заводы. Вот только как рассаживать эти идеи, никто толком не знал. Требовались интуиция, талант, смелость и военная хитрость. Это, конечно, качества стратега, и им в полной мере был Евней Арстанович Букетов.

Вот одна из его многочисленных баталий на этом поле брани. Дело было связано с той самой уральской Верхней Пышмой, которая уже упоминалась и где был расположен медный завод. Когда Евней Арстанович был доцентом в Казахском горно-металлургическом институте, он возил на этот завод студентов на производственную практику. Тогда же он обратил внимание на уникальный полупродукт - медеэлектролитные шламы, которые содержали золото, серебро, медь, селен, теллур. Последние два элемента - так называемые халькогены, спутники меди, и может быть с этого зародилось ставшее впоследствии мощным научное направление с названием "Химия и технология халькогенов и халькогенидов", которому посвящено четыре всесоюзных и одна международная конференции, регулярно проводимые в Химико-металлургическом институте и неразрывно связанные с именем академика Букетова. Но это все лет через 15 , а пока...

Мы придумали обжигать электролитные шламы не в допотопной подовой печи с ручным перегребанием дымящего и ядовитого материала, а в шахтной печи - удобном аппарате непрерывного действия. Сложили модель этой печи в чемоданчик, привезли на завод, показали в действии - всем

понравилось, анализы хорошие, культура! Но главный инженер изрек - дело это сложное, потребует реконструкции, отразится на себестоимости продукции, сорвет план. В общем, обычная наша "государственная" песенка. Вернулись мы ни с чем, подавленные. Рассказали, что да как, но такой оборот ничуть не удивил Евнея Арстановича, только раззадорил: "Двинем-ка мы в Унипромедь, у них там своих свежих идей в этом деле нет, попробуем действовать в одной упряжке!". А что такое Унипромедь? Это головной проектный и исследовательский институт по медной промышленности не только Урала, но и других регионов бывшего Союза. Расположен в Свердловске, рядом с Верхней Пышмой, имеет свой опытный завод. Никого там лично не знаем.

По приезде Евней Арстанович зашел со мной к заместителю директора по научной работе Унипромеди Артему Александровичу Бабаджану, рассказал, что есть идея, хотел бы обсудить со специалистами института для проведения совместной работы. Бабаджан направил нас к заведующему лабораторией редких элементов Людварду Даниловичу Кирру. Там Евней Арстанович представился как коллега, то есть зав. лабораторией редких и рассеянных элементов ХМИ. Они и беседовали как коллеги, непринужденно, пригласили для разговора тех, кто занимается селеном и теллуром. Говорили о железках, о схемах регулирования, о подготовке материала к обжигу, где ставить печь, хватит ли мощности проводки и т. п. Под конец, когда убедились, что дело можно начинать, Л. Д. Кирр говорит: "Это предложение нужно затвердить на техсовете института, я сейчас позвоню директору, попрошу включить в повестку сегодняшнего заседания". Слышим, говорит по телефону: "Иван Семенович, тут у нас один зав. лабораторией из карагандинского института предлагает совместную работу для Пышмы по шламам, мы ее детально обсудили, очень стоящая, нужно бы сегодня и обсудить, не теряя времени". Мы поняли, что согласие дано. После обеда перед назначенным часом Евней Арстанович сказал мне: "Нужно зайти к директору заранее, представиться, здесь табель о рангах чтут по-старому". Он вошел в кабинет к И. С. Елисееву, да так и остался до начала совещания. В назначенный час мы все расположились за длинным столом, застав весело беседующих Ивана Семеновича и Евнея Арстановича. Елисеев начал совещание так: "Я вам представляю своего коллегу директора Химико-металлургического института Букетова Евнея Арстановича..."

Тут нужно было видеть, как и без того выпуклые голубые глаза Людварда Даниловича чуть было не выскочили из орбит - как так, он целых два часа как равный с равным беседовал с директором академического института, да еще и представил его своему директору как рядового зав. лабораторией! Потом Л. Д. Кирр не раз вспоминал об этом и, будучи в годы войны фронтовиком, говорил, что такое возможно было только на фронте в разгар боевых действий, когда не до званий, и каждый мог поплатиться жизнью за оплошность в действиях, а не в регалиях. Так ведь и у нас ставкой была научная честь института, за которой стояли работа и жизнь многих сотрудников... Так или иначе, но дела в Унипромеди пошли очень быстро, за каких-то два месяца была собрана и успешно испытана укрупненная установка, и теперь мы уже двумя институтами вышли на пышминский завод. Но главный инженер и тут не растерялся: "У вас же есть опытный завод, разве можно с укрупненно-лабораторной установкой идти сразу же в цех, зачем такой риск?". Пришлось строить полупромышленную установку на елизаветинском опытном заводе, в уральской глубинке со всеми ее прелестями. Например, топка нашей печи работала на дровах (!), и регулирование температуры велось с точностью плюс-минус полено. Но самое главное - процесс обжига шел отлично, и теперь уж придираться было не к чему, если даже при плохой регулировке результаты получались отличными. Ах, если б так...

Прежний главный инженер перешел в Министерство цветной металлургии, в Москву, а новый - бывший начальник шламового цеха - заявил: "Сейчас мы испытываем новую технологию по обжигу в печи кипящего слоя, и пока ее не испытаем, к вашей приступать не будем. Завод - не полигон для проверки всяких идей, нам нужно заниматься производством". Потянулись долгие месяцы ожидания конца испытаний, которые шли хуже некуда, хотя цех был напичкан сложной управляющей аппаратурой, и там денно и нощно трудились представители известного института. Признаться им в несостоятельности своей технологии даже в те, уже потеплевшие времена было страшно. Разбазаривание государственных средств, крах карьеры, падение научного авторитета, личная трагедия ученого - вот что стояло за этим. Испытания остановились, новый участок цеха напоминал какую-то вымершую цивилизацию. Никто не хотел ставить точку над i. Мы совместно с Унипромедью не раз обращались в министер-

ство с просьбой приступить к испытаниям нашей технологии, но неизменно получали короткий отказной ответ с явно надуманной мотивировкой.

Евней Арстанович ходил чернее тучи, не зная, что предпринять. Но вот однажды прямо с раннего утра вызывает меня к себе в кабинет, долго молчит, о чем-то сосредоточенно думает. Молчу и я, жду чего-то необычного, больно уж не похоже это на нашего лидера. И в самом деле: "Виталий Павлович, я думаю так, надо написать письмо Брежневу". Он помолчал. "Не от меня, как от директора, а от тебя, как от молодого специалиста и ученого. Что ты возмущен тем, с чем столкнулся при внедрении нового в производство, что потеряны годы и утрачивается вера в технический прогресс в нашей стране. Писем от директоров у него - пруд пруди, а от молодых, думаю, нет. До него письмо, конечно, не дойдет, но в аппарате, может, как-то сработает". Я согласился и на следующее утро принес проект письма. Он взял его в руки, нахмурился. Стал читать - вижу усмехнулся, потом начал хохотать, как обычно, до слез. Понравилось то, как я, чтобы быть доходчивым для генсека, сравнил размер нашей печи с местом, которое занимают три рядом стоящих и бесконечно спорящих директора: нашего института, Унипромеди и завода. Хитрость же была в том, что все директора были очень крупные - наш под 100 кг, да и те, если и уступали по росту, то в диаметре явно превосходили. Облегченно вздохнув, махнул рукой: "Пойдет! Посылай! Может, это хоть их зацепит".

Письмо было отправлено, и буквально недели через две звонок из Унипромеди: приезжайте, есть телеграмма из ЦК, приступаем к немедленному внедрению. Оказывается, в министерстве сидел соавтор печи КС, и все наши прежние письма оседали у него. Что и говорить, мы за три месяца спроектировали, поставили и внедрили на заводе шахтные печи, которые работают до сих пор...

Думаю вот о чем. Если бы Евней Арстанович держался традиционных путей "пробивания" или казенных служебных записок - ничего бы не получилось. Он нашел и поддержал единственно верное решение, использовал самый вероятный шанс, исходя из понимания человеческой психологии и реалий нашего времени - это и есть мудрость.

PPP и fff

Это музыкальные термины, означающие "пиано-пианиссимо" и "форте-фортиссимо" - предельно тихо и предельно громко.

Кажется, впервые в полном диапазоне силы звука были написаны произведения Листа, хотя это характерно и для Паганини - этих двух реформаторов пианистической и скрипичной музыки и непревзойденных исполнителей. Голос Евнея Арстановича, его речь - это завораживающая музыка мысли, интонаций, теплоты и холода, восторга и гнева, плавности и длительных пауз. Он убеждал и покорял не столько логикой, сколько блестящей простотой выражения, как это бывает у великих музыкантов. При всем этом, кажется, у него не было собственно музыкального слуха, во всяком случае абсолютного. Но его мысли, чувства и речь обходились без внутреннего переводчика, он никогда не подбирал слова и не запинался, говорил именно прозой - чистым литературным русским языком, нисколько не похожим на приглаженную лекторскую многословицу. Как хорошего исполнителя узнают по первым музыкальным фразам, по голосу Евнея Арстановича сразу же угадывался необыкновенный человек. Он никому не подражал, исполнял только самого себя - а это, наверное, самое труднодостижимое, к чему можно тщетно стремиться всю жизнь.

Мягкий баритон в гневе переходил в жесткий бас, но это случалось только тогда, когда какой-либо сотрудник, в особенности высокопоставленный, пытался обхитрить Евнея Арстановича, а то и попросту обмануть.

Однажды произошел неслыханный и единственный в своем роде случай - один из молодых специалистов, спортсмен, решил самым кратчайшим путем получить желаемый результат - он вписал в свой отчет очень высокие цифры по извлечению элемента, которые на самом деле были низкими и, как оказалось, не могли быть другими. Фальсификация! Руководитель группы молодой кандидат наук Марк Угорец просто остолбенел и бросился к Евнею Арстановичу, требуя публичного осуждения и сурового наказания. Мы ожидали вспышки гнева, но реакция оказалась другой: "Вот дурак. Ничего обсуждать не будем, просто уволим. Ведь он не понимает, что натворил, иначе бы сделал все хитрее". Но однажды, это было гораздо позже, досталось и самому Марку Залмановичу, когда Евней Арстанович попросил его позвонить по межгороду по одному важному делу, связанному с выборами в академию, а тот то ли забыл, или не захотел, но не сделал. Вот уж поистине непредсказуемо рассердился наш учитель - он побледнел и обрушил на голову своего нерадивого ученика столько резких слов, сколько я не слышал от него ни до, ни после. Немного успокоившись, внушал: "Разве ты не понима-

ешь, что все это нужно в первую очередь для тебя, вот для него, для института, для университета! Ты что же - думаешь, я стал бы тебя просить, если бы не доверил тебе вести наши общие научные дела. Тебе же самому дальше расти надо, кто тебе поможет?" Конфликт как-то уладился, и впоследствии действительно при организации защиты докторской диссертации М. З. Угорца Евней Арстанович всюду представлял его в самом выгодном свете. Но трещина в их отношениях все-таки осталась.

Подобное чуть было не случилось и со мной, когда примерно за год до смерти он дал мне почитать рукопись своей последней книги "Современные формы выражения таблицы элементов Д. И. Менделеева". Тут нужно сказать, Евней Арстанович просто боготворил Дмитрия Ивановича: как я понимаю, чувствовал какое-то родство душ и натур, тщательно изучал все редкие материалы о его жизни, привычках, увлечениях. Книга получилась своеобразной, непривычной - не монография, не учебное пособие, не научная биография великого ученого, а, пользуясь музыкальной терминологией, - фантазия на тему периодической системы. Это вообще было характерно для стиля письма Евнея Арстановича, который можно было бы определить как историко-научно-художественный. Я же подошел к рукописи с чисто научной меркой, и, естественно, нашел немало вольностей, недопустимых при строгом обосновании той или иной концепции. Сделал пометки на полях, опасаясь, что если в неисправленном виде рукопись пойдет в печать, то эти "огрехи" будут замечены специалистами по периодической системе и истолкованы не в пользу автора. Когда я принес рукопись домой к Евнею Арстановичу и начал перечислять все свои замечания, то против ожидания он вспылил: "Что это за школярские нотации! Рано еще поучать других!". Я просто опешил. В комнату вошла его жена Зубайра Дюйсеновна, спросила испуганно: "Что тут у вас?". Евней Арстанович успокоился, усмехнулся грустно: "Да вот Виталий Павлович взялся редактировать меня, правильно делает - вижу: книга должна быть безупречной, а я ее для наших не шибко толковых студентов писал, хотел увлечь, но получилось - себе хуже...".

Тут только до меня дошло, что нельзя даже повода давать для волнений, хотя Евней Арстанович никогда не показывал вида и небрежно говорил о своих недугах, выглядел мощно и уверенно. Обманчиво все это было: и ежедневный бильярд, и непринужденные прогулки с овчаркой Риком по лесочку, рядом с домом, и юмор, и заразительный смех - все до последней минуты...

"НЕСТЬ ПРАВЕДЕН ПРОРОК В ОТЕЧЕСТВЕ СВОЕМ..."

Не буду касаться тех самых волнительных причин, от которых, несомненно, молча и мужественно страдал известнейший в республике академик, знаю о них только понаслышке, и не мне судить об этом. Но реакцию на все это наблюдал воочию.

Как-то раз зашел он в институт, в нашу лабораторию, потом ко мне в кабинет и скороговоркой сообщил, упомянув меня в третьем лице: "Дела такие, что скоро придется под крышу Виталия Павловича переходить". Немного помолчав и как бы отвечая на мой немой вопрос: "Это вполне серьезно". Я не стал расспрашивать, полагая само собой разумеющимся исполнение любого варианта нашей совместной работы. Но видно было, что он глубоко переживает что-то и не хочет этого обнаруживать. Вскоре появилась небезызвестная статья в молодежной газете, которую я прочитал - и все понял. Дело сделано было грубо и прямо, как по пословице "Против лома нет приема". Под видом рецензии на литературное произведение Евнея Арстановича началась травля ученого-организатора, смещение с руководящих должностей, запрет на публикацию материалов о нем в средствах массовой информации - весь "джентльменский набор" партийной расправы с неугодными. Но были соблюдены и приличия - предоставлено место старшего научного сотрудника в нашей лаборатории, сохранены партбилет, награды и звания, возможность научных публикаций. В общем, наверное, не так страшно, как в тридцать седьмом, как-никак уже в период "развитого социализма"...

Мои представления о подобных вещах, как я сейчас понимаю, были довольно легкомысленными, и тут меня еще в начале семидесятых годов просветил не кто иной, как Евней Арстанович по случаю, имевшему прямое отношение ко мне. А дело было в том, что я смолоду начал увлекаться философией и обнаружил возможность таких уточнений, которые довольно основательно меняли расхожее понимание социализма и капитализма. Написал рукопись, отправил ее на имя генсека, она вернулась через обком партии, точнее его отдел пропаганды. Был туда вызван, и, поскольку наш диалог ни к чему не привел, создали комиссию под председательством Е. А. Букстова для разбора моих опусов. Он вскоре вызвал меня в кабинет ректора университета и, заведя в смежную комнату отдыха, сказал как можно тихо: "Тут вряд ли прослушивают, но вот что я тебе доложу. Брось ты все это. Если бы раньше такое случилось, тебе - все, конец. Но и теперь наши

философы только и рвутся, чтобы кого-нибудь разоблачить, на этом они карьеру делают, а на твои новшества им плевать". Тут он помолчал и, предвидя мое безрассудное желание спорить с комиссией и стараясь успокоить мое самолюбие, сказал еще более мягко: "Сделай это для меня". В то время никакой другой аргумент на меня не подействовал бы, я был как натянутая струна, но этот явно "провокационный" прием меня просто сразил. Я развел руками: "Сдаюсь". Мы улыбнулись, и Евней Арстанович сразу же позвонил известному в Караганде философу, чтобы тот приехал с моей рукописью. Зашедши в кабинет и почтительно поздоровавшись с ректором, философ начал было открывать закладки в моей рукописи, приговаривая: "Тут такое!", но Евней Арстанович сразу взял инициативу в свои руки: "Да нет! Просто обычные наши естественно-научные суждения с небольшой примесью философии, не стоит акцентировать на этом, он же не специалист, а что касается физики, химии, биологии - тут я не вижу ошибок. Давайте сделаем так: он будет заниматься естественно-научной частью, а философию оставит для философов, он с этим согласен". Я кивнул. В обкоме партии с этой резолюцией согласились, и на прощание зав.отделом тов. Сапрыкин пожал мне руку, пожелал успешной работы над докторской диссертацией и озабоченно произнес: "Что-то много сейчас способной молодежи стало заниматься не своими делами". На этом разбирательство закончилось, и теперь мне ясно, что Евней Арстанович спас не только меня, но и мою философскую работу, которая недавно опубликована, получив "зеленый свет" во время горбачевской оттепели. А вот он ее не дождался...

Была и другая, не менее важная и хорошо известная мне причина постоянных волнений Евнея Арстановича - его приемный (от брата) сын Рашид. Будучи прирожденным педагогом и большим учителем, Евней Арстанович очень нуждался в своем семейном и духовном преемнике, и всю свою силу любви направил на младшего сына. Уже в детском возрасте возил его всюду с собой, знакомил с известными людьми, объяснял что к чему. Но с каждым годом ему все трудней удавалось найти общий язык с сыном, несмотря на большую взаимную привязанность. Рашид еле-еле окончил школу, с грехом пополам поступил в университет - бросил, призвали в армию - вскоре откомиссовали за непригодностью... У Рашида постепенно обострялась тяжелая болезнь, но Евней Арстанович не мог в это поверить, надеялся мощью своего проверенного дара воспитателя и отцовской любви спасти сына,

525510

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. МУКАНОВА

но все было тщетным. Ежедневные скандалы из-за беспорядка и непослушания вконец подорвали здоровье отца. Зубайра Дюйсеновна как-то с горечью сказала: "Я думаю, Евней Арстанович из-за него не выдержал". А сколько ей самой пришлось перестрадать! Уже после смерти мужа пришла однажды к нам в институт в слезах: "Примите его к себе на работу, нет никаких сил и средств. Болтается целый день по квартире, все ломает, ни с кем не разговаривает". Мы его взяли в свою лабораторию, он проработал несколько лет, пока не вынуждены были направить его в больницу на длительное лечение. Рашид умер, пережив отца на десять лет, еще совсем молодым человеком.

Вот судьба! Воистину библейская притча права. За дарованное свыше предназначение пророка, учителя приходится нести тяжкий крест и терновый венец, соблюдая верность своей миссии до конца. Можно поражаться, откуда только взялись силы у тяжело больного человека, изолированного от официальной общественной жизни, со всей страстью с нуля начать крупнейшее, пророческое дело по получению высокотоварной продукции из низкокачественных казахстанских углей - то самое дело, которое сейчас, почти через 15 лет, записано как одно из стратегических направлений развития республики! Но миссия пророка еще и в его учениках-апостолах, наследниках учения. У Евнея Арстановича их было немало, но тех, кто активно действует, не так много. Хочу в первую очередь назвать Зейнуллу Мулдахметовича Мулдахметова, ныне академика, но не звания ради, а по конкретным делам по увековечиванию памяти нашего учителя, по достойному продолжению его научно-организаторской деятельности, по элементарным повседневным заботам о его доме и семье. Он уверенно ведет корабль центрально-казахстанской академической науки и, как Евней Арстанович, олицетворяет ее неподвластный времени авторитет. Должен сказать также, что после смерти Евнея Арстановича я постоянно чувствовал заботливое и требовательное отношение к себе, как одному из первых его учеников, со стороны Зейнуллы Мулдахметовича в тех непростых ситуациях, с которыми мне приходилось сталкиваться. Что-то делал и я, главным образом, по подготовке докторов наук из тех, кто работал вместе с Евнеем Арстановичем. Особо отмечу Нуралы Султановича Бектурганова, которого наш учитель привел в институт и направил в нашу лабораторию. Он сразу показался мне толковым и умелым, любое дело у него спорилось, чувствовалась какая-то

прирожденная ответственность за все, чем бы он ни занимался. Он был старшим в семье, после смерти отца ставил на ноги братьев и сестер, подчас с нелегкой судьбой. В этом он в какой-то мере повторял жизненный путь Евнея Арстановича, но еще больше - в энергичности и активной жизненной позиции. Не отказывался ни от каких нагрузок, которых у него становилось все больше и больше. Теперь Нуралы Султанович помимо заведования лабораторией в нашем институте возглавляет Карагандинское отделение Инженерной академии республики, в которой он является действительным членом, недавно избран членом-корреспондентом Национальной академии наук, назначен заместителем главы нашей областной администрации, где отвечает за науку, образование, культуру, здравоохранение и социальную сферу - в наше время это особо тяжкий крест. Ему всего 45, и он должен успеть серьезно продвинуть то, на что был нацелен Евней Арстанович - поднять роль науки до уровня государственной идеологии, считать ее самым выгодным помещением капитала и гарантом стабильности общества.

Наследию Евнея Арстановича, особенно в части архивных материалов, не дает кануть в вечность его брат Камзабай Арстанович, ставший директором музея Е. А. Букетова при Карагандинском государственном университете его имени. У нас в лаборатории недавно начал работать сын Камзабая Арстановича - Гайса Букетов, который из этого поколения Букетовых, пожалуй, единственный, кто твердо решил связать себя с наукой. Он взялся за тяжелую проблему и трудится над ней с интересом, инициативой - дай ему Бог всяческой удачи. Хороших успехов добилась Акслу - дочь Евнея Арстановича, тем более в такой трудной области, как квантовая химия, став по этой части кандидатом наук, преподавателем университета.

Так что, как бы в свое время ни замалчивалось имя Букетова, оно сохранялось в делах его учеников и родственников. Но стена молчания все-таки рухнула, и произошло это за месяц до всеобщей оттепели, а точнее сказать, ломки, названной перестройкой, по случаю поворотного апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС. Правда, в Казахстане еще ничего не изменилось. В марте еще была зимняя стужа не только в климатическом, но и политическом отношении. Но именно в марте исполнялось 60 лет со дня рождения Е. А. Букетова, и пропускать это событие незамеченным было просто невозможно, тем более по прошествии уже полутора лет после

его смерти - у нас (и в библейской старине) установился чуть ли не привычный порядок своеобразного воскрешения невинно погибших.

Видимо, в предчувствии серьезных перемен редакция "Индустриальной Караганды" решила заказать нашему институту статью о Е. А. Букетове. За два дня до юбилея меня вызвал директор института Д. Н. Абишев и сказал об этом. Я всполошился - всего день-два на такое ответственное дело и после стольких лет молчания, но и обрадовался, даже как-то окрылился. Наверное, это мне помогло успеть все сделать к сроку, и, когда статья была готова, я принес ее Джанторе Нурлановичу, тем более, что я подписал статью его и своей фамилиями. Он внимательно прочитал статью, по обыкновению немногословно сказал что-то одобрительное и добавил: "Может, не надо мою фамилию?". Я ответил, что статью написал от имени учеников, и тут одному быть просто неудобно, к тому же будем подписываться без титулов. Он согласился.

Газета вышла 22 марта, за день до юбилея, с двумя фотографиями Евнея Арстановича - одна на первой странице (анонс), вторая, более крупная, - на третьей странице, с соответствующим по объему текстом. Статья получила большой резонанс, наверное, из-за неожиданности подобной публикации, а может быть, и из-за долгожданности. После этого стало все больше и больше появляться печатных материалов о Евнее Арстановиче, и его имя было впоследствии дважды упомянуто Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым в официальных изданиях - "Казахстанской правде" (5 июля 1988 г.), а затем и в "Правде" (23 февраля 1990 г.) в обобщающем контексте; в частности, говорилось: "Ученые, писатели, которые составляют национальную гордость народа, например, академики К. Сатпаев, Е. Букетов, отодвигались в тень или шельмовались, а на щит поднимались дутые авторитеты". Привожу нашу статью в том виде, как она была послана в редакцию.

УЧЕНЫЙ. ХУДОЖНИК. ГРАЖДАНИН.

Исполняется 60 лет со дня рождения Евнея Арстановича Букетова, действительного члена нашей академии, лауреата Государственной премии СССР, члена Всесоюзной писательской организации, руководителя Химико-металлургического института и Карагандинского государственного университета, человека большого душевного обаяния и авторитета.

До нынешнего юбилея, не столь уж многолетнего, когда о человеке говорят, что он находится в расцвете сил, Евней

Арстанович не дожил несколько лет. Столь безвременный уход и в самом деле оборвал жизнь, наполненную до самых последних дней творческой активностью, юношески дерзкими начинаниями и кропотливой работой мастера в таких, казалось бы, отдаленных областях, как химические и технические науки и художественная проза.

Значительно литературное наследие Евнея Арстановича. Девять научных монографий, более двухсот статей, около 70 авторских свидетельств СССР и зарубежных патентов. Рядом с ними десятки газетных статей в республиканской и областной печати на русском и казахском языках, журнальные очерки, повесть, переводы известных писателей и классиков советской и мировой литературы. А сколько осталось еще неизданного - в законченных рукописях и набросках!

Благодаря Ираклию Андроникову у нас утвердился жанр устной художественной прозы. Очень близок к этому жанру был и ораторский талант Евнея Арстановича, умевшего увлечь рассказом или разговором любую аудиторию, вызвать в ней глубинный интерес обращением к национальному прошлому, к истории русского и казахского народов, их выдающихся сынов. Он мог говорить очень просто о самых сложных вещах в науке и культуре, каждый раз так или иначе выводя их из понятных человеческих мотивов, из различных перипетий человеческой судьбы, которыми полна наша жизнь. Для него человеческое и научное, тем более художественное, было чем-то органически единым и неделимым. Наверное, поэтому он обладал даром разглядеть человека сразу, по первому взгляду и разговору, увидеть в нем главное, хорошее и плохое. В таких разговорах Евней Арстанович непременно интересовался родителями, родными местами. Может быть, ему хотелось узнать не столько о происхождении, сколько об отношении к родителям и родным местам, то самое главное, без чего не состояться ни ученому, ни художнику, ни гражданину.

Последуем и мы примеру Евнея Арстановича и послушаем, что он рассказывает о себе в автобиографии.

"Родился 23 марта 1925 года в ауле Баганаты Октябрьского района Северо-Казахстанской области в семье крестьянина - скотовода-середняка Букетова Арстана. Начал учиться в 1932 году в Макушинском зерносовхозе Челябинской (ныне Курганской) области, где отец работал чернорабочим, переехав с родных мест во время недорода. В 1938 году родители вернулись в отчие места, где отец вступил в сельхозартель "Красная планета" (село Двойники) Октябрьского района. Я

продолжал учебу в селе Марьевка - райцентре. В 1941 году после окончания 9 классов вынужден был в связи с болезнью отца оставить учебу и поступить на работу. Работал учителем начальных и неполносредних школ в аулах Соунал и Жалтырь, в селах Двойники и Городецк Октябрьского района. В 1942 году скончался отец, на мое иждивение перешли мать и четыре брата (моложе меня). В 1945 году экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости в Марьевской средней школе и приехал в Алма-Ату, где окончил в 1950 году металлургический факультет Казахского горно-металлургического института (КазГМИ). До 1954 года учился в аспирантуре при этом же институте, в июле 1954 года защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. С февраля 1954 года работал ассистентом, а с сентября 1956 года - доцентом кафедры металлургии легких и редких металлов КазГМИ. С августа 1958 года по февраль 1960 года работал заместителем директора КазГМИ по учебной работе. С февраля 1960 года по март 1972 года работал директором Химико-металлургического института АН КазССР, с марта 1972 года по январь 1979 года - ректором Карагандинского государственного университета. С января 1979 года по настоящее время работаю старшим научным сотрудником ХМИ АН КазССР. В 1967 году мне присвоены ученая степень доктора технических наук, ученое звание профессора. В 1970 году избран членом-корреспондентом АН КазССР, в 1975 году - академиком АН КазССР. В 1969 году удостоен Государственной премии СССР за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате. В 1971 году принят в ряды Союза писателей СССР. В рядах ВЛКСМ состоял с 1939 года по 1947 год. С 1947 года по 1949 год являлся кандидатом в члены КПСС, а с декабря 1949 года - член КПСС. Семья: жена, две дочери, два сына". Подпись. Дата - 5 февраля 1980 года.

В этих скупых словах о своей жизни - судьба ученого - выходца из народной гущи, с малых лет привыкшего к трудностям, к их постоянному преодолению. Невольно возникает вопрос - каким же образом молодой человек, обремененный каждодневными заботами о пропитании семьи в шесть человек, вдруг решился оставить твердый заработок и уехать на долгую учебу? Кончалась война, во всем чувствовалось приближение перемен, но эти перемены исходили пока что не от самого кормильца. Вот как описывает этот решающий

момент Евней Арстанович в своих "Записках научного работника".

"... Мать внимательно посмотрела на меня своими зеленоватыми глазами, потом закрыла их. Она всегда делала так, когда хотела сказать что-то серьезное и заветное.

- Сынок, тебе надо учиться. Отец так хотел, чтобы ты учился, но у него не хватило сил, да и война началась... А теперь наши победили, жизнь будет хорошей, и ты должен учиться. Аллах в этом тебе поможет.

- Ты что, Умсун, с аллахом об этом сама договорилась? Учиться еще успеем, надо хозяйство наладить, братишек одеть, может, выздоровею, на фронт успею, - сказал я тоном старшего, чуть насмешливо и назидательно. Этот мой тон и обращение по имени было привычно для нее, ибо я не считал себя ее сыном, поскольку в раннем детстве рос на руках у бабушки, и это она научила меня такому обращению с матерью. Мать еще ниже склонилась над шитьем, я же, считая разговор законченным, начал было натягивать сапоги, но заметил, что мать снова выпрямилась и опять закрыла глаза, что означало продолжение разговора.

- Послушай, сын мой! - сказала она, и в ее голосе я услышал новую для меня властность и твердость. - Я теперь тебе и отец, и мать. Это моя воля. Ты о нас не беспокойся, наша власть недаром победила, и она никому не даст ни голодать, ни умереть. И отец всегда говорил, что наша власть любит тех, кто учится.

И мать, как ни в чем не бывало, снова взялась за шитье. Я отбросил сапоги в сторону и почувствовал, что это говорит не тетя Умсун, а моя мать, которая ни разу не напомнила мне о том, что это она выносила меня, выкормила молоком своей груди и всю жизнь души не чаяла в заботах обо мне, как это не однажды можно было слышать от других матерей. Я понял, что к этим ее словам надо отнестись серьезно и вдумчиво".

Этот мастерски написанный эпизод раскрывает нам не только конкретные мотивы решающей перемены в судьбе Евнея Арстановича и не только прекрасную душу взрастивших его родителей - плоть от плоти своего народа, но и рождение важнейшей черты в характере самого Евнея Арстановича - умения увидеть в обычном человеке что-то новое, неожиданное, перенять это новое для себя, сделать постоянной потребностью. Не будь этого - не бывать у него шестидесяти

учеников - кандидатов и докторов наук, не накопиться широчайшей эрудиции от общения с удивляющими его людьми.

В годы учебы в Алма-Ате такими очень разными и удивительными людьми были для Евнея Арстановича профессора Стендер и Пономарев, которым он посвятил многие страницы своих художественных мемуаров, увековечив их, по признанию многих хорошо знавших этих выдающихся ученых, живым, точным и глубоким изображением. О себе же он пишет беспощадно самокритически, называя себя "легкомысленным молодым человеком", "бесхарактерным", "безнадежным", "бестолковым", "неотесанным парнем". Необходимость огранки человеческого характера, способностей, таланта пришла к Евнею Арстановичу прежде всего на собственном жизненном опыте и стала убеждением, больше того - мировоззрением. Это мировоззрение предполагает коллективистский характер творчества, работы, вообще отношений между людьми. Евней Арстанович год от года становился все большим коллективистом, душой коллектива, и в этом смысле подлинным коммунистом, притягивающим к себе сердца окружающих его людей. Вот как он пишет о пути человека в науке.

"Есть, говорят, в науке люди, которые самостоятельно пробивают себе дорогу, не зная, что такое ученичество. Они никому не бывают обязаны, и поэтому наслаждаются эдакой гордой независимостью, сладчайшим результатом опоры лишь на собственные силы. Я, честно говоря, не очень верю, что такие люди в научном мире существуют. Пример чиновника патентной конторы, не общавшегося с ученым миром и тем не менее открывшего теорию относительности, я думаю, совершенно нетипичен для современной науки не только потому, что этим чиновником являлся сам Эйнштейн, но и потому, что темпы научно-технической революции ныне не позволяют обходиться без тесной преемственности поколений в развитии научных изысканий. Я знаю нескольких моих коллег, кичащихся своей чуть ли не врожденной самостийностью, своей якобы лично выработанной творческой индивидуальностью, и подозреваю, что все это на самом деле не что иное, как черная неблагодарность. У любого человека в жизни, чаще в молодости, вероятно, бывает период, когда он склонен переоценивать свои достоинства и свои личные достижения; именно эта переоценка приводит к умалению роли тех, кто так или иначе способствовал твоему продвижению вперед. Хорошо, что такая склонность у подавляющего большинства людей проходит с возрастом, оставаясь жалким и обманчивым

уделом лишь немногих. У меня тоже были такие периоды жизни, и мне приятно теперь оттого, что эта ребяческая гордыня за лично содеянное осталась позади, во всяком случае, в большей своей части".

Вот так, отсекая все лишнее, сама наша действительность создавала тот рельефный образ, ту внушительную фигуру, которая казалась существующей изначально и воспринималась подчас чистым самородком. Журналисты Б. Ибраев и Б. Петров в очерке "Норма конфликтности" пишут: "В Букетове мы с радостью находим сатпаевский размах, энциклопедическую широту знаний. Редкостное удовольствие - неспешно беседовать с ним на свободные темы". Писатель Сергей Никитин: "...он дал мне почитать несколько первых главок своей только что начатой на русском языке рукописи - биографию Каныша Сатпаева. Пятьдесят страниц буквально проглотил. Своеобразный поэтический синтаксис, неожиданные инверсии, смелые метафоры... Казалось, что две языковые культуры - казахская и русская - громогласно заявляют о своем родстве. А языки-то совсем разные. Живой материал для серьезных и поучительных исследований, и не только литературоведческих". Эти высказывания журналистов и писателя относятся к 1976 году, когда Евней Арстанович находился уже, как он сам говорил, в дантовском - полувековом - возрасте. О том, как непросто складывалась глубокая простота его научных и художественных произведений, свидетельствует и тот факт, что первая газетная статья "О переводах на казахский язык произведений Маяковского" вышла в возрасте 28 лет, а первая научная публикация - о кобальте - и того позже - в 32 года! Подробный разбор всего творческого наследия Евнея Арстановича действительно должен представлять собой большую тему для серьезных и поучительных исследований. По крайней мере нам, научным работникам, сотрудникам Евнея Арстановича по Химико-металлургическому институту, пока еще трудно проанализировать область его научных и научно-организационных интересов во всех сложных их взаимосвязях. "Большое видится на расстояньи", и нам, потерявшим своего учителя полтора года назад, многое из его замыслов и обобщений до конца неведомо. Сейчас можно попытаться дать лишь какие-то наметки в подобных исследованиях, наверняка самые приблизительные, но по крайней мере лучшие в сравнении с простым перечнем работ.

Кандидатская диссертация Евнея Арстановича была посвящена молибдену. Важное место в ней отводилось разработке

методики химического анализа. Так вот, несмотря на то, что конкретные методы извлечения молибдена и химического анализа в дальнейшем не получили развития и тематика по тиомолибденовым растворам была исчерпана диссертацией, которую сам автор называл рядовой, интерес к молибдену и химическим анализам вообще у Евнея Арстановича постоянно усиливался. Так, в его лаборатории были начаты работы по освоению шахтного обжига, однако первый объект для этого процесса - вольфрамитовые концентраты - оказался трудноподходящим, и работы могли зайти в тупик. Евней Арстанович предложил несколько других объектов и в числе их молибденитовые концентраты, с которыми он когда-то работал. Дело пошло, была написана кандидатская диссертация одним из его учеников - Меклером, затем процесс был внедрен на Балхашском горно-металлургическом комбинате. В это же время в институте интенсивно развивался метод термомагнитного обогащения пиритсодержащих материалов. Основная цель заключалась в решении проблемы переработки многомиллионных отходов черной и цветной металлургии. Но сразу показать преимущества нового метода на этих отходах было затруднительно из-за необходимости строительства мощной опытной установки. Это затруднение остается и сейчас, являя собой пример плохой координации науки и производства, неумелого хозяйствования. Но тогда важно было как-то продемонстрировать реальные возможности термомагнитного обогащения, и снова с легкой руки Евнея Арстановича выручил молибденовый материал с большим содержанием пирита. По этой тематике ныне защищено несколько кандидатских и докторская диссертации, получено 14 патентов США, Канады, Австралии, Швеции, ФРГ, написаны десятки научных статей и монография. Точно так же прививался у последователей Евнея Арстановича вкус к химико-аналитическим вопросам, и из множества защищенных диссертаций редкая обходилась без оригинальных методик химического анализа, а часть из них была целиком посвящена аналитической химии. Здесь просматривается стиль работы Евнея Арстановича - усиление и приумножение знаний на основе ранее достигнутого с возвратом на другом уровне развития и обобщения. Только такой путь мог обеспечить качественный рост и коллектива, и его руководителя за сравнительно короткий срок.

Являясь учениками Евнея Арстановича, мы занимались множеством, как нам казалось, различных задач в области химии и металлургии. Особенно бурно развивались исследова-

ния по сере, селену, теллуру, мышьяку. Мы делили себя на "мышьячников", и "селенщиков", на "гидриков" и "пириков", на химиков и металлургов, теоретиков и практиков, технологов и аналитиков. Евней Арстанович был един во всех этих лицах. Именно он объединил все эти достаточно самостоятельные направления в одно мощное, дав ему по-менделеевски глубокое имя "Химия и технология халькогенов и халькогенидов". В следующем году (1986-м-В. М.) состоится третье Всесоюзное совещание по этой проблематике здесь, в Караганде, которая избрана постоянным местом их проведения. Такой чести удостаивается лишь организация, признанная не только инициатором, но и лидером в данной области знаний, и это в полной мере относилось к самому Евнею Арстановичу - председателю двух предыдущих совещаний.

Страсть к обобщениям становилась все усиливающейся и заметной чертой Евнея Арстановича. Это проявлялось в интересе к биографиям выдающихся ученых - основателей новых областей знания и организаторов науки, таких, как Менделеев, Резерфорд, Капица, Сатпаев, Валиханов. Не простом интересе, а творческом, таком, что "рука влечет к перу, перо - к бумаге". Но прежде всего эта страсть выражалась в научных обобщениях на первый взгляд разрозненных институтских разработок. Помимо уже упомянутого направления по халькогенам и халькогенидам Евней Арстанович выступил в научной печати с объединением новых приемов обработки материалов, которые нельзя назвать ни металлургическими, ни химическими, ни тем более обогатительными, а сразу всеми вместе.

Начало этому обобщению положили работы по термомагнитному обогащению пиритсодержащих материалов. Пирит - ненужный в цветной металлургии минерал железа и серы - выводился не в конечной стадии процесса, причем уже в сильно измененном состоянии, как это было принято в традиционной технологии, а в самом начале, чем обеспечивалась последующая сильно облегченная переработка сырья. При этом малопригодные, бедные полиметаллические концентраты становились богаче по основным металлам, уменьшались их потери. Другое, вроде бы непохожее на только что названное направление обработки материалов, заключалось в том, что из бедных концентратов выводился ненужный кварц путем растворения его в щелочном растворе при повышенных температурах и давлении. Общей же была та замеченная Евнеем Арстановичем особенность, что кварц, как и пирит,

выводили в начале процесса, тем самым снимая проблему отделения его при плавке переводом в шлак - постоянный и многотоннажный отброс металлургического производства. В обоих случаях возможный экономический эффект выражался в десятках миллионов рублей; решались безысходные, казалось бы, экологические проблемы. Третье направление вообще не относилось к цветной металлургии, поскольку речь шла об использовании бедных марганцевых руд и высокозольного кокса. Их совместная электроплавка давала комплексный сплав железа, кремния, алюминия, в шлак же не переходило ничего - все шло в дело, почти как в случае предварительного обескремнивания медных концентратов. В целом эти три направления были названы термохимическим обогащением полезных ископаемых. Сейчас к нему примкнуло еще одно, очень перспективное направление гидротермального сульфидирования окисленных руд, которое позволило принципиально решить труднейшую проблему комплексного и эффективного освоения медных руд Удокана - самого мощного месторождения на БАМе. Ныне термохимическое обогащение настолько сформировалось как самостоятельное направление, что по нему можно проводить самостоятельные всесоюзные совещания.

Но жажда серьезных и неожиданных обобщений, так нужных и так ожидаемых от академической науки, этими двумя крупными ответвлениями институтской тематики для Евнея Арстановича не была утолена. Всех нас поразило сравнительно недавнее его предложение объединить и тем самым решить проблемы углехимии, органического синтеза и металлургии. Недаром, значит, в Химико-металлургический институт ранее входил отдел органической химии, который сейчас выделился в Институт органического синтеза и углехимии. Не раз высказывались замечания о разнопрофильности тематики института, в разобщенности исследований. Так на самом деле и было, но не для Евнея Арстановича. Его предложение состояло в получении и применении ферросплавов для ожижения угля в среде, в которой щелочные и амфотерные металлы выделяют атомарный водород, сразу же вступающий в реакцию гидрогенизации угля. Из подобного продукта - искусственной нефти - в дальнейшем можно получить моторные топлива и другие вещества. Возможен другой путь: через жидкий ферросплав продувается водяной пар, при этом выделяется водород, который можно направить на взаимодействие с чистой окисью углерода, получающейся в ферросплавной руднотермической печи. Окисленные металлы в виде шлака

возвращаются на получение ферросплава и, таким образом, источником органического синтеза многих видов материала становятся всего лишь низкокачественный высокозольный кокс и вода. Здесь Евнеем Арстановичем достигнута, по-видимому, вершина смелости и гибкости в обобщении и решении сложных проблем. И это были не абстрактные парения ума, а конкретно нацеленные поиски, полные энергии и внимания ко всем деталям. Вот какую записку написал Евней Арстанович на имя начальника Карагандаглавснаба А. Н. Никонова за три дня до своей смерти: "Дорогой Анатолий Сергеевич, воспомоществуй, христа ради, насосами высокого давления (хотя бы одним) для будущих бензиновых рек из угольного бассейна. Премногим обязанный твоему вниманию, Е. А. Букетов, 10 декабря 1983".

Этот, вероятно, последний документ в своей жизни оставил не химик, не металлург, не угольщик, и даже не писатель при всем том, что есть неповторимо букетовское в записке. Ее автор - патриот, влюбленный в землю, которая взрастила его. Это чувство настолько для него естественно и органично, что даже в таком серьезнейшем журнале, как "Вестник Академии наук СССР", в такой сугубо специальной статье с названием "Использование минеральных ресурсов Центрального Казахстана" редакция оставила строки, полные сдержанной поэзии и восхищения своим краем: "Казахи издревле называли эти места "Сары-Арка" ("желтая спина"). От Иртышской равнины до гор Улутау и Тургайской ложбины с востока на запад и от Ишима до Балхаша с севера на юг простирается обширная плоская возвышенность Сары-Арка. Эта "лучшая в мире степь", как называли ее местные акыны, сказочно богата полезными ископаемыми. Сами древние названия местностей говорят об этом с мудростью необыкновенной. В путевых тетрадях первого геолога Казахстана, будущего президента Академии наук Казахской ССР Каныша Имантаевича Сатпаева встречаются такие записи: "Мын-Шункур". Тысяча ям. Значит, здесь когда-то были древние выработки. Выяснить!". "Кара-тас" - черный камень; "Кок-тас" - синий камень. Можно предположить - там существует медь", "Алтын-Тап кан" - напоминает о золоте. И часто не зря!", "Джезказган". Значит - место добычи меди. Точное название!"

Такое вступление невольно располагает к ответственному отношению к рассматриваемым проблемам, потому что они оказываются не только геологическими, металлургическими и экологическими, но и национальными, касающимися истории

целого народа. Евней Арстанович Буктов олицетворял собою весь Центральный Казахстан и таким он остался в нашей памяти

Возвращаясь к истокам становления личности Евнея Арстановича, к тому удивлению и интересу, которые вызывали у него окружающие его люди, хотелось бы закончить свои заметки о нем словами Евгения Евтушенко:

Людей неинтересных в мире нет
Их судьбы, как истории планет.
У каждой все особое, свое
И нет планет, похожих на нее...
Да, остаются книги и мосты,
Машины и художников холсты;
Да многому остаться суждено,
Но что-то ведь уходит все равно.
Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных...
А что мы знаем, в сущности, о них?
Что знаем мы про братьев, про друзей?
Что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
Мы, зная все, не знаем ничего.
Уходят люди... Их не возвратить.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать...

Как никто другой, Евней Арстанович понимал неповторимость, драгоценную единственность каждого из нас, которую нужно раскрывать и оберегать вопреки, быть может, нашим же сиюминутным увлечениям и желаниям. И как никто другой заслужил искреннюю любовь и память всех, кто долго или недолго был рядом с ним.

...Эти заметки были написаны 10 лет назад. За это время изданы книги Евнея Арстановича, опубликованы многие материалы о нем, прошли две всесоюзные и готовится первая международная конференция по химии и технологии халькогенов и халькогенидов. Последняя из них посвящена 70-летию основателя этих форумов, которые в дальнейшем, очевидно, будут постоянно проходить в юбилейные годы Евнея Арстановича, раз в пять лет, в мартовские предвесенние для Караганды дни. Время прочно утвердило исторический авторитет Евнея Арстановича, и отблеск его судьбы будет еще долго заметен в многоцветном спектре событий нашего беспокойного бытия. Этот отблеск запечатлелся и на тех, кто непосредственно

окружал и сталкивался с Евнеем Арстановичем, по-разному высвечивая в них то, что обычно остается в тени. У одних это апостольская верность и служение делу Букетова с полной выкладкой сил, у других - патологическая зависть или нескончаемое пустословие, равноценные известной миссии Иуды. Большинство же причастившихся к судьбе идей и личности Евнея Арстановича пропитались главным их целебным достоинством пониманием подлинного, глубинного единства человеческих натур, имя чему интернационализм.

В этой связи хотелось бы поделиться с читателем своим отношением к одному взбудоражившему нашу культуру событию - бесстрашному интернационалистическому анализу "Слова о полку Игореве" - канонического русского литературного источника, на что решился казахский поэт Олжас Сулейменов, виртуозно владеющий русским языком. Мы с Евнеем Арстановичем практически одновременно прочитали книгу "Аз и Я". И когда я высказал свое восторженное отношение к ней, то мой мудрый учитель как-то горестно усмехнулся: "Книгу будут ругать". - "За что?" - "Найдут, за что. За название, хотя бы". Действительно, тучи над книгой и головой поэта так сильно сгустились, что по-настоящему не разошлись и до сих пор, по крайней мере, над российской территорией. Уже после смерти Евнея Арстановича, чувствуя внутреннюю потребность и долг перед его памятью, я подготовил полемическую статью, где попытался с более общих позиций, которые поощрял мой учитель, вмешаться в затянувшийся спор. Посылал статью сначала в союзные, потом в наши республиканские издания - везде одно и то же: материал интересный, но... точки над і уже поставлены. По совету писателя Жаика Кагеновича Бектурова послал статью даже Г. Колбину, бывшему секретарю ЦК Компартии Казахстана, чтобы хоть как-то оградить опального поэта от дальнейшего нагнетания страстей. В нейтральном ответе содержалась просьба при возможной публикации рукописи не упоминать его имени в контексте полемики.

Сейчас, в суверенном Казахстане, расставлены другие точки над теми же і, но от этого гражданская позиция в поднятой проблеме ничуть не упростилась. Поэт и гражданин Олжас Сулейменов видит будущее Казахстана и планеты гораздо шире суверенных рамок, сродни тому видению, которое было естественным для Евнея Арстановича и решительным образом повлияло на мою позицию в этом деликатнейшем вопросе.

Привожу ее в том виде, в каком она была представлена в различных инстанциях, в последнем ее варианте.

"АЗ И Я" ГЛАЗАМИ ЕСТЕСТВЕННИКА

Прочитал и перечитал недавнее интервью Олжаса Сулейменова корреспонденту "Правды" Г. Дильдяеву (от 27 января 1989 г.) и вновь вернулся к не раз отложенному по разным причинам материалу о нашем национальном поэте. Посылал статью и туда, откуда неслись громы и молнии на его восприимчивую к пространству-времени голову, и в менее испепеляющие, как мне казалось, очаги литературы - но получал отказ по тем или иным "объективным" обстоятельствам, в числе которых называлась и опасность навредить себе из-за резкости формулировок.

Не знаю, не знаю. Да, конечно, грубость недопустима, но валить чуть ли не окаменевшее древо застоя инструментом с тупыми зубьями?

Чтобы не впасть в крайности, выбираю несколько эпический тон - ведь предмет не столько полемический, сколько уже ставший наполовину историческим. К тому же он выносится на волну более широкого потока вопросов современного бытия, входящего постепенно в устойчивое русло: кто мы, с кем и за что боремся?

Сказать - за гармонизацию отношений - значит усложнить вопрос во сто крат, ибо что же такое гармония?..

С Олжасом Сулейменовым я не знаком. Хотя возможность встретиться с ним была еще в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов, когда я только что по окончании института приехал на работу в Караганду и мой молодой коллега - Арарат Машанов страстно декламировал стихи нового для меня поэта, упиваясь сравнением девичьих кос с бурливыми арыками. В эти годы Олжас был в нашем городе и Арька встречал его в парке. В семидесятых я мог познакомиться с ним через моего учителя, члена нашей республиканской академии Евнея Арстановича Букетова. Авторитетный химик и металлург, он был еще и писателем, одинаково хорошо владеющим русским и казахским литературными языками. В его библиотеке были книги с автографами поэта, и, как выяснилось, писателям довелось встречаться на карагандинской земле. Еще одна возможность познакомиться с Олжасом Сулейменовым была связана с его приездом к нам в начале восьмидесятых годов для встречи с избирателями. Какая-то случайность помешала мне присутствовать на этой

встрече. Наконец, в самое последнее время, будучи в Алма-Ате с моим товарищем по работе Нурланом Бектургановым на международной выставке Цветмет-87, мы при содействии однокашника Олжаса Сулейменова - Рустема Турсунбаева оказались в гостинице буквально в двух шагах от дачи Олжаса, и только пребывание в больнице избавило его от нашего неминуемого вторжения с заранее заготовленным целительным кумысом. Видимо, жизнь складывается так, что познакомиться с этим интересным человеком мне, скорее всего, не придется.

Должен также заметить, что я не отношусь к восторженным поклонникам поэзии Олжаса Сулейменова. Изобильная и сочная, как бешбармак, она оставляет сильное впечатление, но тяжела для постоянного приятия. Разумеется, то же можно сказать и о любой другой очень хорошей поэзии, что возводит любимое национальное блюдо в ранг эталона высокого искусства. Если копнуть глубже, то выяснится, что причина моей сдержанности - в безнадежном естественно-научном складе натуры, о чем как-то раз прямо сказал Евней Арстанович в беседе с одним из литераторов. Я это принял с легкой обидой, но и не без гордости.

Однако не много ли для вступления одних только "не"? Совсем как в известном диалоге Ширвиндта с Державиным: не снимался ни в том, ни в этом фильме, ни у того, ни у этого режиссера, ни с тем, ни с этим актером. Чем и знаменит. Правда, в такой известности, как и во всем диалоге, истинно комичном, столько скрытой грусти, сколько бывает в доподлинной жизни. Откуда же эта грустинка? Да от потерянного времени. Впрочем, разве бывает непотерянное время, если оно необратимо? И не горше ли тому, кто был продолжительно удачлив и оставил свои лучшие мгновения в прошлом? Вообще, знаете ли вы, что такое время? Нет, вы не знаете, что это такое.

У многих сейчас на столе книга лауреата Нобелевской премии Ильи Пригожина и его коллеги Изабеллы Стенгерс "Порядок из хаоса". Она о сложнейшей природе времени. Профессионально эта проблема разобрана тем же И. Пригожиным в более ранней монографии "От существующего к возникающему", которая завораживает уже самим названием. Так вот, время необратимо только потому, что во всем сущем есть случайность. В какой мере наш мир случаен, в такой - необратим. Повсюду мы, как и любые природные образования, от малых до больших, находимся в ситуациях выбора. Налево или направо. Быть или не быть. И если мы пойдем направо,

то мы уже не вернем ту ситуацию выбора, из которой можно было пойти налево, потому что мир успел за это время решить бесчисленное множество подобных же вопросов в неповторимой комбинации исходов и чуть-чуть, но необратимо изменился. Причем, изменился определенно: каждый может сказать - я был таким, а стал этаким. Это создает иллюзию полной определенности бытия, строгой детерминированности истории и времени. И порождает, к сожалению, классическое заблуждение: после этого, значит, поэтому. Хочется объяснить все строгой последовательностью и предначертанностью событий, действительно выстроенных в четкий ряд, как в автобиографии. Но необратимость этого ряда служит лучшим доказательством его случайности, крайне малой вероятности, из-за которой сейчас ни сама по себе, ни в пробирках ученых нигде не возникает жизнь. Конечно, время нельзя понимать как нагромождение случайностей. В нем есть место и для строгой закономерности существующего, которая разрывается неопределенностью возникающего.

Соблазн чистой определенности приводит к трактовке причин исторических событий только в однозначной утвердительной форме. Жестко детерминированное мышление вырабатывает психологию дакания и поддакивания. Всякие там "нет" или "не" просто отбрасываются. Величие и грандиозность нынешней перестройки, как мне кажется, состоят не столько в непредвзятом осознании реальностей нашего времени, сколько в новом ощущении самого времени. Пусть это ощущение во многом интуитивно, но оно необратимо. По-старому жить нельзя.

Появившаяся в середине семидесятых годов "Аз и Я" Олжаса Сулейменова поразила меня каким-то новым пафосом "не". Это не маяковское "долой ваше искусство, долой вашу любовь", но предтеческое - долой монополию на оценку любых событий, от какого бы важного лица она ни исходила. На первый взгляд, в книге защищалось всего лишь право поэта вслушиваться в историю, говорящую его же образным языком и привычно резонирующими русскими и тюркскими созвучиями в древнеколокольным "Слове о полку Игореве" и других источниках. Вместе с тем защищалось и право на версию, и право на отрицание единственной трактовки, и право на ошибку, в конце концов. За всем этим просматривалась вероятностная подоплека. Она не была выражена в виде четкой позиции, и более того - поэта иногда "заносило" в критике альтернативных версий. Правда, в конце книги он пишет: "Я

увидел, что сам не избежал того, против чего воюю: ратуя за объективность в оценке Времени, преувеличивал Момент". Здесь выражено глубокое понимание сути дела, хотя трудно согласиться с возможностью преувеличения момента: его неисчерпаемое разнообразие до сих пор как следует не оценено. Но главное было сказано уже в аннотации: история глазами поэта. Поэтическая версия истории должна разрабатываться наравне с любыми иными. Во имя чего? Только ли ввиду объективной неоднозначности мотивировок исторических событий, их вероятностной природы? Представляется, не только. Поэтическая трактовка дает возможность постигать и открывать новые моральные ценности.

Хорошо известно, что Пушкин в "Борисе Годунове" опирался не на достоверный факт убиения царевича Борисом, а на версию. А "Моцарт и Сальери"? Так ли уж важно, отравил один другого или нет, чтобы высветить острым поэтическим зрением на материале вероятного события новые и с тех пор непреходящие моральные ценности? "...Нет правды на земле. Но правды нет - и выше". Каково? Послушайте это в прозрачной транскрипции ведерниковского баса, и вы почувствуете, что живете именно во второй половине нашего века. И самое главное: "Гений и злодейство - две вещи несовместные". Все это на порядок выше обывательской сенсации с возможным отравлением Моцарта. Известны многочисленные гипотезы о смерти гения, а что касается Сальери, то, будучи учителем Листа и многих других выдающихся музыкантов, он никак не мог быть злодеем. Зная все это, никто не спешит запретить пьесу и спектакль.

Было бы нелепо также относиться к "Слову о полку Игореве" как к строгому историческому труду и искать документальное обоснование каждой его буквы. Разве создатель "Слова" не был поэтом? Значит, и ему ничто поэтическое не было чуждым. Зачем же тогда канонизировать историческую версию этой поэмы и трепать за уши тех, кто вслушивается в звуковой строй "Слова" и ищет ответа в интернациональных культурных тенденциях?

Критика, обрушившаяся на Олжаса Сулейменова, была гегемонистской по своей сути, и что хуже всего - была великоросским окриком на законную попытку приобщения казахского национального самосознания к мировым шедеврам и загадкам древней письменности и языка. Уверен, убежден, знаю: этот окрик, уловленный остро направленным антеннам юных душ, внес свою черную лепту в *постепенную* подготовку

известных событий в Алма-Ате, и не только там, но и у нас в индустриальной Караганде и в других крупных городах Казахстана.

Не берусь оспоривать указания на исторические неточности в книге О. Сулейменова. Они, несомненно, есть. Но "Аз и Я" - произведение в первую очередь поэтическое, о чем говорят само название, авторская позиция и его художественная натура. Если так, то мы вправе спрашивать с автора не за скрупулезное исследование исторического материала, а за новые моральные ценности. Есть ли они в "Аз и Я"?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся еще к одному примеру из истории литературы, более непосредственно относящемуся к проблеме поэтического восприятия старины. Известнейший собиратель русских народных сказок А. Н. Афанасьев в свое время (1865-1869 годы) выпустил трехтомный труд "Поэтические воззрение славян на природу". Современники приняли его далеко не безоговорочно. Но вот что говорит по этому поводу В. П. Антипин в предисловии к самому недавнему выпуску "Народных русских сказок. Из сборника А. Н. Афанасьева" (Москва, 1983): "Можно не соглашаться с частью толкований, но нельзя отказать Афанасьеву в широте поэтических ассоциаций, в чутье к образному смыслу народных слов. В исследователе брал верх поэт, сделавший своим орудием интуицию: ученые толкования перемежались с художественными.Вот этим и привлекал художников Афанасьев - слогом, догадками, смелыми сближениями. Из всех специальных книг это едва ли не самая поэтическая книга".

Сказано, как будто об "Аз и Я" Олжаса Сулейменова. Но не дай бог так же поздно, как об Афанасьеве, - через 109 лет после его смерти! В. П. Антипин пишет: "Жизненные удары сделали свое дело - Афанасьев тяжело заболел без надежды на выздоровление". Умер он 45 лет от роду. Причем, нападкам подвергались и другие основные его труды, в особенности же "Народные русские легенды". Обер-прокурор святейшего синода граф А. П. Толстой опротестовал издание сборника и в письме к министру просвещения Е. П. Ковалевскому требовал "охранить религию и нравственность от печатного кощунства и поругания" (цитирую по В. П. Антипину). Да, несомненно, все дело в новых моральных ценностях, которые во все времена воспринимаются с наибольшим трудом.

Мы уже упоминали о новом, конструктивном пафосе "не", прозвучавшем так, как сейчас, после некоторой ломки

психологии получается почти у каждого. Конечно, это заслуга не только Олжаса Сулейменова, но он был здесь одним из первых. Более существенно другое - это вывод поэта о несомненном двуязычии автора "Слова о полку Игореве". Причем эта особенность понимается не как неизбежное следствие погружения в двуязычную среду, а как свидетельство культуры межнационального общения даже в те далеко не лучшие времена, породившие великую поэму. Обсуждая особенно насыщенное тюркизмами "темное" место "Слова", автор "Аз и Я" замечает: "Двуязычный читатель XII века иначе понимал содержание сна Святослава, чем моноязычный читатель XVIII-го и последующих". Это уже прямой - и справедливый! - упрек нам, читателям XX века, проживающим в тюрко-язычной социалистической республике и в самой просвещенной стране. И если сейчас (в 1987 г. - В. М.) первый секретарь Коммунистической партии Казахстана шестидесятилетний Геннадий Васильевич Колбин штудирует казахский язык и доверительно обещает своим юным казахским собеседникам выучить его за год, как это удалось ему сделать с грузинским языком во время пребывания на партийной работе в Грузии; если сейчас по всему Казахстану разворачивается целенаправленная деятельность партийных, советских и общественных организаций по воспитанию подлинной русско-казахской культуры с непременным усвоением двух братских языков, то значение высказанной Олжасом Сулейменовым этической нормы более чем серьезно.

Говорить об этой норме в середине семидесятых годов было, безусловно, нелегко. Великодержавная парадность - с одной стороны, скрытный национализм - с другой, позволяли касаться привычной темы в отчетах и на банкетах только в фальшиво-беспечном тоне. По-настоящему действующих интернационалистов в те годы в Казахстане, пожалуй, было только два: Олжас Сулейменов и Евней Букетов (таково его литературное имя). О работе первого из них в этом направлении хорошо известно. Что касается Е. А. Букетова, то его писательская деятельность не была столь многотиражной и в основном ограничивалась республиканскими изданиями. Тем не менее такие значительные вещи, как "Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники" ("Знамя", 1972, N 8), "Время светлой судьбы" ("Простор", 1978, N 8, 9) и другие, получили широкую известность благодаря живому изображению взаимного притяжения казахской и русской культур, прежде всего в области образования, высшей школы и науки. В этом смысле

можно говорить о том, что "двойная тяга" интернационального груза проблем Олжасом Сулейменовым и Евнеем Букетовым была достаточно всеохватной. Как ни странно, в сущности именно за это им и попало. Одному - из Москвы, другому - из Алма-Аты. Таким вот образом сошлись великорусская амбиция и скрытный национализм.

Корни этого опасного единства в непомерном честолюбии, подобном тому, что погнало князя Игоря в половецкие степи за славой и властью. И поражение его весьма символично. В связи с этим Олжас Сулейменов определяет ещу одну нравственную норму, искусно завуалированную автором "Слова" во времена, когда жизнь человеческая значила для властьпредержащих так мало. О. Сулейменов пишет: "На частном, древнерусском материале Автор попытался коснуться нравственной проблемы общечеловеческой значимости - "свой неправ"". Затронутая проблема дважды актуальна и в наше время - и для самого недавнего прошлого нашей страны в целом и для Казахстана в частности. В самом деле, легко обличать, когда неправ отщепенец или прямой подлец. Но как сказать правду о том, кому аплодировал теми же руками, которые сейчас держат обличительное перо? Не в этом ли труднейшая миссия гласности - сказать: "Свой неправ"? И не только труднейшая, но и реально опасная. Скорее всего, именно поэтому мы ничего не знаем об Авторе. И в отношении О. Сулейменова и Е. Букетова машина забвения сработала четко: в попытках найти в публичных библиотеках "Аз и Я" либо "Время светлой судьбы" можно было пожелать в те годы лишь большого успеха. И это несмотря на подчеркнутую благонамеренность авторов - у одного в подзаголовке книги, у другого - в самом названии. Мне кажется также, что в названии "Слова о полку Игореве" скрыт немалый смысл. Заметьте, слово не о князе Игоре, а о его полке. В то патриархально авторитарное время два возможных заглавия должны были различаться более существенно, чем в нашу гораздо более демократическую эпоху, тем более, что тогда посвящение писания какому-либо конкретному лицу было каноном. В этом контексте вполне допустимо и понимание древней поэмы как слова о загубленном полку Игореве. Здесь уместно высказаться по спорному вопросу о жанре "Слова". С учетом его явной поминальности, поэтического и музыкального строя - особенно последнего, так как предполагается песенное исполнение в подражание вещему Бояну, жанр "Слова" - реквием. Возможно, это самый древний реквием,

конечно, в современном внекультовом понимании этого жанра. Может быть, он ждет именно современного озвучания такими музыкантами, как Свиридов, Гаврилин или Жубанова (к сожалению, уже ушедшая от нас - В. М.). Трагедия народной доблести так типична, особенно в сочетании с жестоким честолюбием предводителей - и это как нельзя лучше удалось выразить автору "Слова". Вообще, хвалебные оды редко становятся мировыми шедеврами, так как побуждаются фальшивыми мотивами. Скорее всего, замысел "Слова" был понят современниками правильно и последовали "оргвыводы".

Удары по Сулейменову и Букетову были чувствительными. Но они были нанесены не только по живым людям и их творениям, но и по еще более живому интернационализму, и поэтому наносившие их могли довольствоваться только временным успехом и были обречены на поражение. Да, Олжас Сулейменов вынужден был признать некоторые неточности в трактовке "Слова" и недостаточную профессиональную подготовку в части историко-литературных исследований. Но остался непоколебимым в основной позиции - праве и долге поэта быть гражданином - и не отрекся от своего любимого детища. Недавно он выступил инициатором пленума писателей Казахстана по интернациональному вопросу и действует в полную силу. Да, Евней Арстанович Букетов после "разгромной" статьи в молодежной республиканской газете ушел с должности ректора Карагандинского университета в старшие научные сотрудники Химико-металлургического института нашей академии, перенес несколько инфарктов и в 1983 г. скончался 58 лет от роду (что за возраст для богатырской натуры?). Но за последние годы своей жизни он не только обогатил научное поприще подлинно революционными идеями в области получения моторных топлив и иных ценных продуктов из угля, но и подготовил к печати рукописи художественно-исторических повестей о Сатпаеве и Валиханове - интернационалистах самого крупного масштаба, утверждавших всем своим жизненным укладом, как и наши современники Сулейменов и Букетов, это самое святое дело...

Я не был бы безнадежным естественником, если бы не попытался определить и свое отношение к основной проблеме, причем, конечно, в формализованном виде. Упомянутые выше работы И. Пригожина относительно случайной природы необратимости времени дают нам понимание того, что все сущее содержит большую дозу непредсказуемости. Но какую именно? Ответ на этот вопрос можно найти в новаторских книгах

последних лет белорусского философа Эдуарда Максимовича Сороко "Структурная гармония систем" (Минск, 1984) и "Управление развитием социально-экономических структур" (Минск, 1985). Не страшась быть похожим на Сальери, он, имея базовое математическое образование, именно алгеброй поверил гармонию и открыл целое пространство соразмерного, а стало быть, гармоничного сочетания определенного с неопределенным, детерминированного с вероятностным, необходимого со случайным. В этом пространстве на первом месте находится золотое сечение - такое отношение главной, определяющей части ко всему целому, которое обеспечивает устойчивую сохранность этого целого в мире бурь и тревог.

Хотелось бы уверить скептического читателя, что пространство золотых сечений - не математический фокус, а вполне поддающийся контролю резонанс меры. Подобно тому как в боровской модели атома орбита электрона оказывается устойчивой только в случае целочисленного размещения на ней электронных волн, а в колебаниях струны резонанс наступает при целочисленном укладывании на ней звуковой волны, так и в устойчивости любых систем определяющим оказывается соразмерность целого и части. При этом соизмеримость определенной и неопределенной составляющих вытекает из их единой информационной природы, дающей количественное выражение меры. Мне трудно удержаться, чтобы не упомянуть об энтропии - мере неопределенности, представляющей собой вероятностную составляющую информации. Как справедливо полагает Евгений Александрович Седов в научно-популярной книге "Одна формула и весь мир", вопрос "Знаете ли вы, что такое энтропия?" в наше время эквивалентен вопросу "Читали ли вы Шекспира?" И было бы совсем уж несправедливо умолчать о колоссальном вкладе в культурное освоение понятия "золотого сечения" нашего гуманитарного патриарха Алексея Федоровича Лосева, получившего Государственную премию СССР 1986 года за "Историю античной эстетики", где идеи соразмерности поднимаются не только до этических, но и мировоззренческих высот. Отдадим должное и интуиции Олжаса Сулейменова: "Постоянная религия, неподвижный быт создают тот искусственный режим, в котором не увядает слово, обладающее золотой структурой" - цитата из "Аз и Я".

Так вот, доля базовой составляющей в золотом сечении равна 0,618 или 61,8%. Если она будет меньше, то система потеряет устойчивость и разнесется случайными факторами, если больше - утратит способность адаптироваться и окосте-

неет. Таким образом, конструктивное большинство не должно быть подавляющим (2/3 - это уже лишнее), но и не на уровне пресловутой золотой середины, которая отличается от золотого сечения так же, как подделка от настоящего ювелирного украшения, и будучи эквивалентом "фифти-фифти", сплошь и рядом приводит к ситуации буриданова осла. Другая крайность - право вето - вообще глупость, не имеющая аналогов в природе. Золотое сечение должно стать нормой демократии при решении любых, в особенности самых деликатных вопросов, к каковым относится национальный.

Как можно применять эту норму? Прежде всего, обдуманно. Обосновать целостность какого-то узла проблем, совместимость и взаимную дополнительность важнейших его сторон. Например, распространенность двуязычия в пределах национальной республики может быть ориентирована на золотое сечение. Если гармоничное большинство коренного населения будет знать два языка - базовый для страны (СССР - В. М.) и свой, то этим может обеспечиться оптимальное межнациональное развитие системы в целом. При меньшей доле будут вероятны проявления национализма, при большей возможна утрата самобытной национальной культуры ввиду подавляющей роли базового языка. Та же самая норма должна распространяться на всех лиц некоренной национальности, проживающих на территории республики, но в данном случае есть резон отнести ее к знанию языка коренной нации во имя сохранения ее культуры. Нечто подобное может быть принято для определения разумной нормы в национальном составе учебных заведений или объеме преподавания на родном языке, а также в издательском деле.

Конечно, это только информация к размышлению, не больше. Просто цели гармоничного, естественного, не декретированного развития общества требуют знания гармонии более основательного, чем это может подсказать мысль, спорхнувшая с потолка. Евней Арстанович всегда любил и поощрял именно глубину поиска, ценил красоту общего решения, каким бы замысловатым оно ни было, восторгался там, где другой видел только уход в сторону от наезженной колеи и сугубо прагматической цели. Его научная биография - это шаги из настоящего в будущее широкой и легкой поступью Командора и Пророка. "Как Бог, шагал он по высям творений" - не раз иронически говорил он нам, когда мы преподносили ему что-нибудь "сногсшибательное", не подозревая, что эта строка

как нельзя более подходит к нему самому. Попытаюсь еще раз в добавление к отмеченному ранее проследить эти шаги.

ШАГИ ПО ВЫСЯМ И ВЕСЯМ НАУКИ

Прибыв по назначению из Алма-Аты в 1960 году в качестве директора, Евней Арстанович принял довольно разнородное научное хозяйство, которое на втором году после организации института включало геологические, горные, углеобогатительные, металлургические и химические подразделения. Свою деятельность он начал с несколько парадоксального решения - организации еще одной лаборатории - цветных, редких и рассеянных металлов, тем самым расширив и без того разнообразную номенклатуру научных специальностей института и вместе с тем в какой-то мере ее завершив, поскольку в Центральном Казахстане цветная металлургия представлена крупнейшими комбинатами - Балхашским и тогда еще только зарождающимся Джезказганским. Таким образом, региональный характер ХМИ АН КазССР получил достаточно полное организационное воплощение. Руководство новой лабораторией Евней Арстанович взял на себя и сразу же поставил в ней исследования по молибдену, вольфраму, селену и теллуру в развитие своих научных интересов, которые у него сформировались еще в Казахском горно-металлургическом (теперь политехническом) институте.

Эти исследования быстро продвигались и уже в первой половине шестидесятых годов оформились в две основные темы: шахтный обжиг гранулированных материалов цветной металлургии и автоклавные гидрохимические процессы с участием халькогенов и халькогенидов. По первой теме было получено первое для института авторское свидетельство СССР и осуществлено в 1965 году первое внедрение в производство - упрочняющий обжиг гранулированных джезказганских концентратов в шахтной печи с наклонной решеткой. За эту работу Е. А. Букетов был удостоен Государственной премии СССР 1969 года как участник освоения технологии комплексной переработки медных концентратов Балхашского ГМК с применением кислорода на стадии конвертирования (туда и подавались джезказганские концентраты в качестве "холодной присадки"). В эту технологию естественно "вписались" исследования института по извлечению рения, по результатам которых были получены первые зарубежные патенты, впоследствии умноженные на материале обжиговой тематики. Шахтные обжиговые печи были внедрены также на комбинате

Уралэлектромедь (г. В. Пышма Свердловской области) для переработки медеэлектролитных шламов (в 1969 году), на Джезказганском ГМК для упрочняющей сушки гранулированных медных концентратов перед электроплавкой (в 1972 году), на Балхашском комбинате для обжига гранулированной молибденовой пыли, выносимой из печи кипящего слоя (в 1977 году) и уже в восьмидесятые - девяностые годы - для сушки кокса на Ново-Джамбулском фосфорном заводе и ПО "Карбид" (г. Темиртау).

Более сложные превращения претерпела вторая тематика. Автоклавная технология была внедрена и использовалась некоторое время в течение восьмидесятых годов в ГДР, на Мансфельдских заводах, но в СССР не смогла найти применения главным образом из-за трудностей с изготовлением промышленных автоклавов. Однако автоклавные процессы получили в институте довольно широкое развитие. Сначала для выведения диоксида кремния и рения из высококремнистых джезказганских медных концентратов в голове технологической схемы, чем предопределялись дальнейший более эффективный пирометаллургический передел и комплексность использования исходного сырья. Затем для сульфидирования окисленных и смешанных руд цветных металлов, что позволило унифицировать получаемые при последующей флотации сульфидные концентраты, уменьшить потери ценных металлов и открыть возможность их единой пирометаллургической переработки существующими и новейшими способами. Эта технология принята для Джезказганского ГМК и для освоения крупнейшего в СССР Удоканского месторождения меди в Сибири на трассе БАМ. Автоклавный процесс был предложен и для получения фосфорных солей из фосфоритов Казахстана.

Названные две базовые тематики по цветной металлургии послужили основой докторской диссертации Е. А. Букетова, которую он защитил в сравнительно молодом для этой области знаний возрасте - в 42 года. Из этой тематики выросло первое приоритетное научное направление института - химия и технология халькогенов и халькогенидов, становление которого отразила первая для института монография по извлечению селена и теллура из медеэлектролитных шламов, вышедшая в 1969 году. Исследование поведения серы и сульфидов, а также сопутствующего им мышьяка проводилось в тесной взаимосвязи с родственными им соединениями селена и теллура, благодаря чему данное направление получило научное завершение и обобщение, которому Евней Арстанович уделял особое внима-

ние. В частности, в технологии производства меди на Балхашском ГМК институтом был решен вопрос о выведении мышьяка из электролита, в связи с чем начались многоплановые электрохимические исследования, которые заняли в институтской тематике важное место.

Будучи директором института в 1960-1972 годах, Е. А. Букетов активно занимается и другими его научными направлениями в области черной металлургии и органической химии (геология и горное дело в середине шестидесятых годов были изъяты из тематики и структуры института и переданы отраслевым организациям). Евнея Арстановича особенно заинтересовало ферросплавное производство с точки зрения возможности использования высокозольного угля для руднотермической плавки забалансовых марганцевых руд на комплексные ферросплавы. В этой возможности ему виделось парадоксальное соединение недостатков по качеству сырья и восстановителя, которое оборачивалось достоинством благодаря полной утилизации всех компонентов. Это направление получило сильное развитие, и номенклатура сплавов резко расширилась. Часть разработок внедрена в производство и продолжается освоение других вариантов данного процесса.

Органическая химия в институте развивалась с самого начала его организации под руководством первого директора Иордана Нигметовича Азербаева, впоследствии члена-корреспондента АН КазССР, который вскоре переехал в Алма-Ату и работал там в Институте химии АН КазССР. Его разработка по безртутному способу получения ацетальдегида через виниловые эфиры еще в те годы остро ставила вопрос по экологии завода синтетического каучука (ныне ПО "Карбид") и Евней Арстанович как мог всячески поддерживал эту идею. Он же способствовал расширению и углублению в институте исследований по органическому синтезу на основе ацетилена и его производных (продукции ПО "Карбид"), по электрокаталитическому гидрированию и другим научным направлениям отдела органической химии. И хотя эти исследования курировались школой органиков алма-атинских институтов АН КазССР под руководством академиков Д. В. Сокольского и Б. В. Суворова, вклад Евнея Арстановича в развитие отдела был во многом определяющим, что сделало возможным выделение отдела в Институт органического синтеза и углехимии АН КазССР в 1983 году. Это тем более несомненно, что вопросы углехимии не затрагивали сферу интересов алма-атинской школы органиков и были крайне актуальны для Карагандинского угольного

бассейна. Лаборатория углехимии была детищем Химико-металлургического института и находилась под постоянным вниманием директора. Впоследствии, по возвращении в институт в 1979 году, интерес к углехимии обернулся для старшего научного сотрудника лаборатории редких и рассеянных элементов академика Е. А. Букетова последней его научной идеей и страстью.

Эта идея соединяла углехимию, производство ферросплавов и автоклавные процессы, то есть то, чем он занимался порознь и в разной степени, причем они соединились так, что при этом была исключена совершенно необходимая и крайне дорогостоящая водородная энергетика, определяющая стоимость моторных топлив при получении их из угля. Суть дела в проведении гидрогенизации угля (или других естественных карбоносителей) с помощью ферросплавов, жадно взаимодействующих с водой в щелочной среде с выделением атомарного (!) водорода, который тут же вступает в реакцию с углеродом. Температура, давление и продолжительность процесса снижаются вдвое-втрое, что позволяет использовать более простые автоклавы. Процесс защищен рядом авторских свидетельств, в которых основная идея трансформируется в различных вариантах, включая использование сравнительно чистого оксида углерода, выделяемого в руднотермической печи при производстве ферросплавов из дешёвого (высокозольного) угля, для взаимодействия с тем же водородом с образованием ценных и разнообразных кислородсодержащих углеводородов (спиртов, альдегидов, кетонов и др.). Это была прорывная идея, возникшая на стыке наук в голове умудренного опытом ученого-академика, то есть такая идея, которая и должна зарождаться в стенах академического института на базе фундаментального знания общенаучных связей смежных дисциплин. Дальнейшая судьба идеи определяется возможностями отраслевых институтов, с которыми сейчас установлены необходимые контакты, правда, без гарантий автоматического продвижения ее в производство с учетом нашей заскорузлой системы внедрения.

Что касается глубинного интереса к общенаучным связям, по крайней мере в области неорганической и органической химии, черной и цветной металлургии, то Евней Арстанович всегда отличался этим качеством, и это выразилось в скрупулезном изучении наследия Д. И. Менделеева, в особенности же открытия и становления периодического закона. К известным многочисленным трактовкам этого великого

события он прибавил свою версию, которую изложил в последней своей, единоличной монографии, сданной в печать в 1982 году - за год до безвременной кончины. Можно сказать, что эта монография (по современным формам выражения периодического закона Менделеева) наиболее характерна для стиля Евнея Арстановича, совершенно не искаженного обычно обезличивающей редакторской правкой, за что следует выразить издательству Карагандинского государственного университета глубокую признательность. В ней - живой, восторженный и уравновешенный, придирчиво расчетливый и художественно раскованный человек - химик, историк и литератор.

Нужно сказать, что сам-то Евней Арстанович был очень суровым редактором наших рукописей, особенно в начальные годы, пока мы еще не могли освоить тяжелую диалектику ясности и краткости. Но он никогда не был цензором наших идей - тут нам предоставлялась полная свобода. В 1964 году по горло загруженный директорскими делами Евней Арстанович взялся за оформление докторской диссертации и попросил меня провести рутинные термодинамические расчеты для большой группы теллуритов и теллуратов разными методами - Резницкого, Киреева, Келли, Карапетьянца и Капустинского. Все шло хорошо - бери из справочников данные, подставляй и считай, но на последнем методе вышла осечка. Не получаются прямые зависимости - и все тут. Причем, как-то интересно не получаются. Одной вторичной периодичностью не объяснить. Что делать? Оставить "на потом"? Так поначалу и решили. Но через некоторое время при очередном звонке Евнею Арстановичу докладываю о текущих результатах и слышу его возбужденный голос: "Ты посмотри работы Григоровича в трудах института металлургии АН СССР, у него там что-то оригинальное по влиянию третьих снаружи электронных оболочек". О докторской на время забыли, стали разбираться и нашли неожиданный аспект решения проблемы. Только после этого вернулись на грешную землю исполнять свои обязательные программы, после которых уже со вкусом занялись лакомым блюдом. Нам показалось тогда, да и сейчас нет особых сомнений, что найденная закономерность претендует на открытие. Во всяком случае, Михаил Христофорович Карапетьянц ответил на наше обращение по этому поводу, что он не сомневается в оригинальности нашего подхода, но требуются более широкая проверка и тщательное обоснование. Мы дали один из аспектов проблемы на разработку нашей аспирантке Симбиновой К. Ж., которая успешно защитила

диссертацию с ведущей организацией - Московским химико-технологическим институтом имени Д. И. Менделеева, где работают крупные ученые в области строения вещества. Теперь Кадиша Жантурсуновна - профессор физической химии. Работа над проблемой продолжается и сейчас в контакте со специалистами по квантовой химии.

Даже в последние месяцы своей жизни Евней Арстанович живо интересовался "посторонними" идеями, хотя своих дел оставалось невпроворот. Как-то звонит из дома на работу, спрашивает - свободен ли я прогуляться по лесочку рядом с его домом? Был ноябрь, легкий мороз, уже не первый снег. Евней Арстанович вышел в зимнем пальто, впереди мчалась огромная овчарка Рик. Как бы извиняясь, он сказал: "Вот, теперь нельзя одному на прогулку выходить. Врачи предупредили - в любой момент могу упасть". Он шел своей своеобразной легкой поступью тяжеловеса, и трудно было поверить, что ему что-то грозит. Я начал рассказывать о последнем своем увлечении - термодинамике системы при бесконечно высокой температуре. Остановились. Я взял прутик и стал писать на снегу главные выкладки. Евней Арстанович забрал у меня этот прутик и начал спрашивать - а здесь что, а тут как? Улыбнулся радостно-удивленно: "Вот, черт, неужели тут что-то есть?". Эту реплику легко понять, ведь речь шла о классической термодинамике, науке, казалось бы, вполне законченной, со своими канонизированными тремя началами. А тут еще что-то. Сказал, подумав немного: "Нужно послать этот материал Виктору Ивановичу Спицыну, пусть его физхимики посмотрят, а пока отправляйте статью в наш "Вестник", приоритет нельзя терять, я дам рекомендацию". Я все сделал, как советовал Евней Арстанович.

13 декабря 1983 года ранним темным утром Евней Арстанович вышел на прогулку только с Риком... Некролог в "Вестнике АН КазССР" опубликовали в 1984 году, в N 3. Там же оказалась моя статья по термодинамическим функциям при бесконечно высокой температуре. Я отправил этот журнал академику Спицыну в Институт физической химии АН СССР, потом докладывал работу у него на семинаре. В общем, с легкой руки Евнея Арстановича дело пошло и продолжает сейчас продвигаться во все более сложных аспектах, постепенно получая признание. Большое содействие этому делу, как и другим, у чьих истоков был Евней Арстанович, оказывает академик З. М. Мулдахметов. Первым же проблеск нового заметил, оценил, поверил и поддержал мой учитель.

Ныне он, воскресший в мемориальном граните скульптора Гуммеля, взирает с характерной для него едва заметной - возникающей! - усмешкой и негаснущим интересом на поток входящих в институт людей - таких разных, но одинаково попадающих под власть и притяжение этого взгляда.

8.11.85 - 21.07.94

СОДЕРЖАНИЕ

"Вверх по лестнице, ведущей..."	3
Кое-что из Лассаля	4
Единица измерения - директор	10
PPP и fff	13
"Несть праведен пророк в отечестве своем..."	15
Ученый. Художник. Гражданин.	20
"Аз и Я" глазами естественника.	31
Шаги по высям и весям науки.	41

Спонсор издания -
Карагандинское отделение инженерной академии Республики Казахстан.

На обороте обложки: **Е.А. Букетов** и **В.П. Малышев.** На семинаре.

Сдано в набор 22.09.94 г . Подписано к печати 20.10.94 г . Гарнитура "Тип Таймс". Усл. печ. л. 3,12. Заказ № 2277. Тираж 1000. ОПО "Полиграфия".

150T.

